

ЯСУНАРИ КАВАБАТА

ТЫСЯЧЕКРЫЛЫЙ
ЖУРАВЛЬ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я   К Л А С С И К А

Ясунари Кавабата

Тысячекрылый журавль

Серия «Эксклюзивная классика (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=141351
Тысячекрылый журавль: Прогресс; М.; 2023
ISBN 978-5-17-156079-9

Аннотация

«Отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина» – библейская цитата, удивительно точно передающая «верхний», «сюжетный» слой романа Ясунари Кавабаты «Тысячекрылый журавль». История о нервном, рефлексирующем молодом человеке Кикудзи, которому одна из любовниц покойного отца навязчиво пытается заменить мать и сосватать невесту, другая зачем-то заводит с ним роман, а он влюбляется в ее дочь, испытывающую, в свою очередь, к нему сложные и неоднозначные чувства, в исполнении западного автора изрядно отдавала бы комедией, но Кавабата был японцем, а потому его пронизанный национальной символикой (в которой сквозные образы журавля и чайной церемонии лишь наиболее очевидны) и многочисленными аллюзиями и отсылками к шедеврам хэйанской и самурайской эпохи роман был и остается одним из самых блестящих, аристократически изысканных и неоднозначных произведений прошедшего столетия.

Содержание

Тысячекрылый журавль	5
1	5
2	12
3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ясунари Кавабата

Тысячекрылый журавль

Yasunari Kawabata

SENBAZURU

© The Heirs of Yasunari Kawabata, 1949–1951

© Перевод. З. Рахим, наследники, 2023

© Перевод стихов. Н. Сидемон-Эристави, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Тысячекрылый журавль

1

Даже вступив на территорию камакурского храма, Кикудзи все еще продолжал колебаться, идти ему или не идти на эту чайную церемонию. К началу он все равно уже опоздал.

Устраивая чайные церемонии в павильоне храмового парка Энкакудзи, Тикако Куримото регулярно посылала ему приглашения. Однако после смерти отца Кикудзи не был там ни разу. Он не придавал значения этим приглашениям, считая их обычным проявлением уважения к памяти покойного.

Но на этот раз, помимо обычного текста, в приглашении была маленькая приписка – Тикако собиралась показать ему одну девушку, свою ученицу.

Прочитав приписку, Кикудзи вдруг вспомнил родимое пятно на теле Тикако. Отец однажды взял его с собой к этой женщине. Ему тогда было лет восемь или девять. Когда они вошли в столовую, Тикако сидела в распахнутом кимоно и крохотными ножницами стригла волосы на родимом пятне. Темно-фиолетовое пятно, величиной с ладонь, захватывало всю нижнюю половину ее левой груди и доходило почти до подложечки. На нем росли волосы. Их-то и стригла Тикако.

– Боже мой, вы с мальчиком!

Она, кажется, смутилась. Хотела вскочить, но потом, очевидно, подумала, что такая поспешность только увеличит неловкость и, чуть повернувшись в сторону, неторопливо закрыла грудь, запахнула кимоно и заправила его под оби.

Видимо, мальчик, а не мужчина заставил ее смутиться – о приходе отца Кикудзи Тикако знала, ей доложила об этом прислуга, встретившая гостей на пороге.

Отец в столовую не вошел. Он уселся в соседней комнате, гостиной, где Тикако обычно проводила свои уроки.

Рассеянно разглядывая какэмоно¹ в стенной нише, отец сказал:

– Позволь чашку чая.

– Сейчас, – отозвалась Тикако.

Но она не торопилась встать. И Кикудзи увидел расстеленную на ее коленях газету, а на газете коротенькие черные волоски, точно такие, какие растут на подбородке у мужчин.

Был яркий день, а наверху, на чердаке, беззастенчиво шуршали крысы. У самой галереи цвело персиковое дерево.

Тикако, присев у очага, стала готовить чай. Ее движения были какими-то не очень уверенными.

А дней через десять после этого Кикудзи услышал разговор отца с матерью. Мать, словно открывая страшную тайну, рассказала отцу про Тикако: оказывается, у бедняжки огромное родимое пятно на груди, поэтому она и не выходит за-

---

¹ *Какэмоно* – вертикально висящая картина или каллиграфическая надпись, выполненная на полосе бумаги или шелка.

муж. Мать думала, что отец об этом ничего не знает. Лицо у нее было печальное – наверное, она жалела Тикако.

Отец сначала только мычал, всем своим видом показывая удивление, потом сказал:

– Н-да... конечно... Но она ведь может предупредить жениха... Если он будет знать о пятне заранее, может быть, даже посмотрит на него, я думаю, это не повлияет на его решение...

– Вот и я то же самое говорю! Но разве осмелится женщина признаться мужчине, что у нее огромное родимое пятно, да еще на груди...

– Глупости, она уже не девица...

– Да, но все равно стыдно... Если бы родимое пятно было у мужчины, это бы не играло никакой роли. Он мог бы показать его жене даже после свадьбы – она бы только посмеялась.

– И что же, она показала тебе это родимое пятно?

– Что вы, не говорите глупостей!

– Значит, только рассказывала?

– Да. Сегодня, когда она пришла к нам давать урок, мы разговорились. Ну, она и разоткровенничалась... А вы что скажете – как может отнестись к этому мужчина, если она все-таки выйдет замуж?

– Н-не знаю... Может быть, ему будет неприятно... А прочем, иногда в этом есть свое очарование. К тому же этот недостаток может пробудить в муже особую заботливость,

вскрыть хорошие стороны его характера. Да и не такой уж это страшный недостаток.

– Вы так думаете? Вот и я ей говорила, что это не недостаток. А она все твердит – пятно-то, мол, на самой груди!

– М-м-м...

– И знаете, самое для нее горькое – это ребенок. Муж-то уж ладно. Но если будет ребенок, она говорит, и подумать даже страшно!..

– Из-за родимого пятна молока, что ли, не будет?

– Почему не будет? Дело не в этом. Ей горько, что ребенок увидит пятно. Она, должно быть, все время об этом думает... Мне такое и в голову не приходило... А она говорит: представьте, ребенок берет материнскую грудь, и первое, что он увидит, будет это безобразное родимое пятно. Ужасно! Первое впечатление об окружающем мире, о матери – и такое уродство! Это ведь может повлиять на всю его жизнь... Черное родимое пятно...

– М-м-м... По-моему, все это напрасные страхи, разыгравшееся воображение...

– Конечно! В конце концов есть же искусственное питание для малышей, да и кормилицу можно взять.

– Родимое пятно – ерунда, главное, чтобы у женщины молоко было.

– Не знаю... Все же вы не совсем правы... Я даже всплакнула, когда ее слушала. И подумала, какое счастье, что у меня нет никаких родимых пятен и что наш Кикудзи никогда

не видел ничего подобного...

– Н-да...

Кикудзи охватило справедливое негодование – неужели отцу не стыдно притворяться, будто он ничего не знает! И при этом отец не обращает никакого внимания на него, Кикудзи. А он ведь тоже видел это родимое пятно на груди Тикако!

Теперь, почти через двадцать лет, Кикудзи все представлялось в ином свете. Он смеялся, вспоминая об этом. Неловко тогда было отцу, вот уж, наверное, переволновался!

Но в детстве Кикудзи долго был под впечатлением того разговора. Ему исполнилось десять лет, а он все еще мучился тревогой, как бы у него не появились брат или сестра, которых будут кормить грудью с родимым пятном.

И самым страшным было не то, что ребенок появится в чужом доме, а то, что вообще будет жить на свете ребенок, вскормленный грудью с огромным, покрытым волосами родимым пятном. В этом существе будет что-то дьявольское, что всегда будет внушать ужас.

К счастью, Тикако никого не родила. Наверное, отец не допустил этого. Кто знает, может быть, печальная история о младенце и родимом пятне, заставившая мать прослезиться, была придумана и внушена Тикако отцом. Само собой разумеется, он не жаждал иметь ребенка от Тикако, и она не родила. Ни от него, ни от кого-либо другого после его смерти.

Тикако, очевидно, решила предварить события, рассказав

матери Кикудзи о своем родимом пятне. Она боялась, что мальчик проболтается, потому и поторопилась.

Она так и не вышла замуж. Неужели родимое пятно действительно оказало такое влияние на ее жизнь?..

Впрочем, и Кикудзи не мог забыть этого пятна. Очевидно, оно должно было сыграть какую-то роль и в его судьбе.

И когда Тикако под предлогом чайной церемонии сообщила, что хочет показать ему одну девушку, перед глазами Кикудзи сейчас же всплыло это пятно, и он подумал: уж если Тикако рекомендует девушку, у нее, наверное, безупречно чистая кожа.

Интересно, как отец относился к этому родимому пятну? Может быть, поглаживал его рукой, а может даже покусывал... Кикудзи порой почему-то фантазировал на этот счет.

И сейчас, когда он шел через рощу, окружавшую горный храм, те же мысли, заглушая щебетание птиц, рождались в его голове...

С Тикако происходили определенные изменения. Уже года через два-три после того, как он увидел ее родимое пятно, она вдруг сделалась мужеподобной, а в последнее время и вовсе превратилась в существо неопределенного пола.

Наверное, и сегодня, на чайной церемонии, она будет держаться не по-женски самоуверенно, с каким-то наигранным достоинством. Кто знает, может быть, ее грудь, так долго носившая на себе темное родимое пятно, уже начала увядать... Кикудзи почему-то стало смешно, он чуть было не засмеялся

вслух, но в этот момент его нагнали две девушки. Он остановился, уступая им дорогу.

– Скажите, пожалуйста, по этой тропинке я дойду до павильона, где Куримото-сан устраивает чайную церемонию? – спросил Кикудзи.

– Да! – разом ответили девушки.

Он отлично знал, как пройти. Да и девушки в нарядных кимоно, спешившие по этой тропинке, явно направлялись на чайную церемонию. Но Кикудзи задал вопрос нарочно – чтобы ему уже было неудобно повернуть обратно.

Та девушка, которая держала в руках розовое крепдешиновое фуросики² с белым тысячекрылым журавлем, была прекрасна.

---

² *Фуросики* (букв. «банный коврик») – квадратный платок, в котором носят мелкие предметы.

Кикудзи подошел к чайному павильону в тот самый момент, когда опередившие его девушки уже надели таби³ и собирались войти внутрь.

Через их спины он заглянул в комнату. Комната была довольно просторная, около восьми татами⁴, но народу набилось очень много. Сидели вплотную, почти касаясь коленями друг друга. Кикудзи не разглядел лиц – яркость и пестрота нарядов несколько ослепили его.

Тикако поспешно встала и пошла ему навстречу. На ее лице были и удивление, и радость.

– О-о, редкий гость, прошу вас, проходите! Как это мило с вашей стороны, что вы к нам заглянули! Вы можете пройти прямо здесь. – Она указала на ближайшее к нише сёдзи.

Кикудзи покраснел, чувствуя на себе взгляды всех находившихся в комнате женщин.

– Кажется, здесь одни дамы? – спросил он.

– Да. Были и мужчины, но уже разошлись, так что вы будете единственным украшением нашего общества.

– Ну что вы, какое же я украшение!

– Нет, нет, Кикудзи-сан, у вас столько прекрасных ка-

---

³ Таби – традиционные японские носки с отделением для большого пальца.

⁴ В Японии принято измерять площадь комнаты в татами, татами равно примерно 1,5 м².

честв! Вы действительно будете настоящим украшением.

Кикудзи показал ей жестом, что пройдет через основной вход.

Красивая девушка, заворачивая таби в фуросики с тысячекрылым журавлем, вежливо отступила в сторону, пропуская его вперед.

Кикудзи прошел в соседнюю комнату. Там были разбросаны коробки из-под печенья, чашек и прочей утвари, принесенной для чайной церемонии. Тут же лежали вещи гостей. За стеной в мидзуя служанка мыла посуду.

Вошла Тикако и села перед Кикудзи, да так поспешно, словно упала перед ним на колени.

— Ну как, красивая девушка, не правда ли?

— Какая? Та, у которой фуросики с тысячекрылым журавлем?

— Фуросики с журавлем? Не понимаю! Я говорю о девушке, которая только что тут стояла. О дочери Инамуры-сан.

Кикудзи неопределенно кивнул.

— О, с вами надо быть начеку, Кикудзи-сан! Вон какие мелочи вы замечаете. А я уж было подивилась вашей ловкости, думала, вы вместе пришли.

— Будет вам!

— Ну уж если по дороге встретились, значит, и впрямь судьба. Да и ваш отец ведь был знаком с Инамурой-сан.

— Разве?

— Да. Инамура-сан из солидного купеческого дома. Они

раньше торговали в Йокогаме шелком-сырцом. Но девушка ничего не подозревает о наших планах, так что можете спокойно ее рассматривать.

Тикако говорила очень громким голосом, и Кикудзи ужасно боялся, как бы гости, отделенные от них всего лишь тонкой перегородкой, ее не услышали. Но тут Тикако наклонилась и зашептала ему на ухо:

– Все хорошо, если не считать одной маленькой неприятности. Знаете, пришла госпожа Оота, и вместе с дочерью... – Она сделала паузу и посмотрела на Кикудзи, как он будет на это реагировать. – Не подумайте только, что я ее специально пригласила. Вы же знаете, на чайную церемонию может зайти любой прохожий. Таков обычай. Здесь только что побывали две группы американских туристов. Вы уж не сердитесь на меня, ладно? Оота-сан слышала, что состоится чайная церемония, вот она и пожаловала. Но про вас – почему вы сегодня пришли – она, конечно, не знает.

– А я сегодня и не... – Кикудзи хотел сказать: «И не собираюсь устраивать смотрины», но язык у него словно прилип к гортани.

– Впрочем, неудобно должно быть не вам, а госпоже Оота. А вы держитесь как ни в чем не бывало.

Эти слова задели Кикудзи. Связь Тикако с его отцом, очевидно, была недолгой и не очень серьезной. До самой смерти отца эта женщина продолжала бывать у них в доме. Ее приглашали уже не только для устройства чайных церемо-

ний, но и просто помочь по хозяйству, когда приходили гости. Она превратилась в нечто среднее между компаньонкой и служанкой. Тикако часто работала на кухне вместе с матерью. Ревновать к ней отца было бы просто смешно – настолько мужеподобной стала она в последние годы. Мать, должно быть, и не ревновала, хотя и догадывалась, что в свое время ее супруг, видимо, довольно тщательно ознакомился с пресловутым родимым пятном. Но все уже было позади, в прошлом, и Тикако держалась абсолютно непринужденно, когда они вдвоем с матерью возились на кухне.

Кикудзи постепенно привык, что эта женщина всегда была к услугам их семьи, всегда была готова исполнить любой его каприз, и мало-помалу мучительное детское отвращение к ней прошло, уступив место легкому пренебрежению.

Может быть, пристав к семье Кикудзи, Тикако просто-напросто нашла удобный способ существования. Очевидно, такой образ жизни, равно как и мужеподобность, были заложены в ее натуре.

Во всяком случае, благодаря их семье Тикако снискала своего рода популярность как преподавательница чайной церемонии.

Когда умер отец, Кикудзи и вовсе примирился с Тикако и даже изредка ее жалел: кто знает, может быть, она после единственной в своей жизни и такой мимолетной, почти иллюзорной связи подавила в себе женщину.

Мать относилась к ней ровно, без подчеркнутой враждеб-

ности. Оно и понятно – в последнее время ее тревожила не Тикако, а госпожа Оота.

Господин Оота, приятель отца по чайной церемонии, умер рано, отец взял на себя распродажу оставшейся после него чайной утвари и сошелся с его вдовой.

Тикако сразу об этом пронюхала, первой информировала мать и вдруг превратилась чуть ли не в приятельницу супруги своего бывшего любовника. Защищая интересы матери Кикудзи, она развила бурную, даже слишком бурную деятельность: выслеживала отца, время от времени усовещивала и запугивала вдову Оота, безо всякого стеснения являясь к ней домой. Казалось, в груди Тикако проснулась долго дремавшая ревность.

Мать Кикудзи, женщина застенчивая и робкая, совсем растерялась от такого энергичного вмешательства и жила в постоянном страхе перед, казалось, неизбежным скандалом.

Тикако даже в присутствии Кикудзи не стеснялась поносить госпожу Оота. А когда однажды мать попыталась ее урезонить, сказала:

– Пусть он тоже знает, это ему полезно.

– Представляете, – говорила она матери, – когда я у нее в последний раз была, ее девчонка, оказывается, сидела в соседней комнате и подслушивала. Я говорю, возмущаюсь, естественно, и вдруг слышу – за стенкой кто-то рыдает...

– Девочка?.. – По лицу матери пробежала тень.

– Ну да, ее дочка. Ей, кажется, уже лет двенадцать. Ох, и

устроили они спектакль! У этой госпожи Оота, по-моему, не все дома. Что бы сделал на ее месте нормальный человек? Выбранный бы ребенка за подслушивание и увел бы его куда-нибудь подальше. А она пошла в соседнюю комнату, вернулась с дочерью, обняла ее и усадила к себе на колени. И представляете, обе актрисы, и престарелая и малолетняя, начали напоказ лить слезы.

– Как же так?.. Жалко ведь девочку...

– Кому жалко, а кому и нет. Девчонка очень даже подходящее средство, чтобы повлиять на госпожу Оота... – Тикако перевела взгляд на Кикудзи. – Да и детям иногда это на пользу. Вот и Кикудзи-сан мог бы сказать отцу пару слов...

Тут уж мать не выдержала:

– Прошу вас, придержите свой язык! Слишком уж он у вас ядовитый!

– Ядовитый? И очень хорошо! А вы, Оку-сан, весь свой яд при себе держите, вместо того чтобы разом его выплеснуть, да и отвести душу. Вы вон как исхудали, а той ничего не делается, кругом гладкая. Небось еще несчастной жертвой себя воображает, думает, если у нее случилось горе, то можно вздыхать и плакать напоказ, а гадости делать исподтишка. Нет, вы представьте только: в гостиной, где она принимает вашего мужа, на самом видном месте красуется фотография покойного хозяина дома! Я просто удивляюсь, как ваш супруг все это терпит!

И вот сейчас, после смерти отца, эта дама, которую Тикако

так поносила, явилась сюда, на чайную церемонию, да еще не одна, а с дочерью.

Кикудзи внутренне передернуло, его словно окатили холодной водой.

Пусть сегодня, как утверждает Тикако, госпожа Оота пришла без приглашения, но если она вообще могла сюда прийти, значит, после смерти отца обе женщины поддерживают между собой какие-то отношения. Может быть, госпожа Оота даже дочь посылает к Тикако обучаться чайной церемонии... Все это было для Кикудзи полной неожиданностью.

– Если вам неприятно, может, попросить Оота-сан уйти? – спросила Тикако, заглядывая в глаза Кикудзи.

– Мне совершенно безразлично. А если сама догадается, пусть уходит.

– Не надейтесь, не такая она догадливая. Иначе не пришлось бы страдать ни вашему отцу, ни вашей матушке.

– Вы сказали, она пришла с дочерью?

Кикудзи никогда еще не видел дочь госпожи Оота. И сейчас он подумал – нескладно все получается... Госпожа Оота, ее дочь и девушка с тысячекрылым журавлем... С этой девушкой не хотелось бы встречаться в присутствии дочери Оота, которую он сегодня увидит впервые.

Но назойливый голос Тикако так и лез ему в уши, подхлестывая и щекоча нервы, и Кикудзи поднялся.

– Как бы то ни было, Оота-сан уже знает, что я здесь. Не бежать же мне или прятаться.

Он раздвинул сёдзи, ближайшее к токонома⁵, вошел в комнату и на почетном месте опустился на колени.

Тикако вошла следом за ним и отрекомендовала его присутствующим:

– Митани-сан. Сын покойного Митани-сана.

Кикудзи еще раз поклонился и, подняв голову, наконец-то смог рассмотреть всех девушек.

Должно быть, он был немного возбужден. Сначала он видел только праздничные наряды, слившиеся в сплошное яркое пятно. Лица блекли за пестротой красок. Теперь, несколько успокоившись, он разглядел их и увидел, что сидит прямо напротив госпожи Оота.

– Боже! – воскликнула госпожа Оота. В ее голосе звучали и удивление, и откровенная радость, которую конечно же сразу почувствовали все присутствующие. – Как давно мы не виделись! Прошу вас, не обижайтесь, что я так долго не подавала о себе никаких вестей.

Она легонько дернула за рукав сидевшую с ней рядом дочь, словно говоря – что же ты? Здравойся скорее! Девушка, залившись краской и, очевидно, совершенно смутившись, поклонилась.

Кикудзи был потрясен. В поведении госпожи Оота не было ни тени враждебности, ни тени недоброжелательности. Казалось, она действительно обрадовалась. Казалось, эта совершенно неожиданная встреча доставила ей огромное удо-

---

⁵ *Токонома* – ниша в стене в японском доме.

вольствие. Казалось, госпожа Оота совершенно не думает, в какое двусмысленное положение ставит себя в глазах присутствующих.

Ее дочь сидела молча, потупившись, не поднимая головы. Госпожа Оота это заметила, и ее щеки чуть-чуть порозовели, но она нисколько не смутилась и продолжала ласково смотреть на Кикудзи. Казалось, она вот-вот поднимется, подойдет и скажет Кикудзи что-нибудь интимное, душевное.

– Вы тоже увлекаетесь чайной церемонией? – спросила она.

– Да нет... По-видимому, я не унаследовал от папы этих его склонностей...

– Странно... Я думала, такие вещи в крови...

Должно быть, на госпожу Оота нахлынули воспоминания. Ее глаза стали влажными и блестящими.

Кикудзи видел ее в последний раз, когда умер отец, на обряде прощания с усопшим.

За эти четыре года она совсем не изменилась. И белая длинная шея, не очень гармонизировавшая с полными, округлыми плечами, и вся ее не по возрасту стройная фигура были точно такими, как тогда. Раньше Кикудзи казалось, что по сравнению с глазами нос и рот у нее слишком маленькие. Но теперь он хорошенько рассмотрел ее лицо: нос был правильный, хорошо очерченный, очень милый, а нижняя губа в определенных ракурсах, когда госпожа Оота разговаривала, чуть-чуть выдавалась вперед.

Дочь унаследовала от матери длинную шею и округлые плечи. Но рот и глаза у нее были больше. Почему-то Кикудзи показалось смешным, что у девушки рот крупнее, чем у матери. Сейчас ее губы были плотно сжаты, большие глаза смотрели печально.

Бросив взгляд на огонь, тлеющий в очаге, Тикако сказала: – Инамура-сан, может быть, вы предложите Митани-сан чашечку чаю? Сегодня мы еще не имели удовольствия полюбоваться вашим стилем.

– Пожалуйста.

Девушка, у которой было фуросики с тысячекрылым журавлем, поднялась.

Кикудзи сразу про себя отметил, что она все время сидела рядом с госпожой Оота. Но, увидев госпожу Оота, он избегал смотреть на эту девушку.

Предложив дочери Инамуры подать чай, Тикако, очевидно, хотела, чтобы Кикудзи мог хорошенько ее рассмотреть.

Девушка присела перед котелком и, чуть повернув голову, спросила:

– А в какой чашке?

– На самом деле, в какой? – подхватила Тикако. – Пожалуйста, лучше всего в этой вот. Мне подарил ее покойный господин Митани. Это его любимая чашка.

Кикудзи отлично помнил эту чашку, которую сейчас поставила перед собой дочь Инамуры. Отец действительно всегда пил чай из нее. Но... она досталась отцу от вдовы Оота.

Бедная госпожа Оота! Наверное, ей сейчас очень горько: любимую чашку покойного мужа она уступила господину Митани, а тот взял да и подарил ее, и кому... Тикако!

Бесчувственность и бестактность Тикако поразили Кикудзи.

Впрочем, госпожа Оота в этом отношении ничуть ей не уступала.

Над очагом поднимался легкий пар. Он клубился, будто сплетая прошлое этих двух уже не очень молодых женщин. А на этом фоне юная дочь Инамуры с безукоризненной чистотой исполняла обряд приготовления чая. Кикудзи вдруг остро ощутил всю красоту девушки.

А дочь Инамуры, наверное, и не подозревала о намерении Тикако показать ее Кикудзи.

Она совершенно спокойно приготовила чай и без тени смущения подала чашку Кикудзи.

Выпив чай, Кикудзи стал любоваться чашкой. Это был черный орибэ⁶: на одной стороне на белой глазури художник черной краской изобразил молодой побег папоротника.

– Вы, конечно, ее помните, – сказала Тикако.

– Что-то подобное припоминаю... – неопределенно ответил Кикудзи, опуская чашку.

– Этот побег папоротника передает ощущение горной местности. Чашка очень хороша для ранней весны, Митани-сан пил из нее именно в это время года... Сейчас она, конечно, немного не по сезону, но я подумала, что вам будет приятно поддержать ее в руках.

– Ну, что вы, отец ведь так недолго владел этой чашкой! У нее своя история. Если не ошибаюсь, она проделала долгий путь, пока дошла до нас – от мастера Рикю эпохи Момояма⁷. Значит, на протяжении столетий ее бережно сохраняли многие ценители чайной церемонии... Так что мой отец здесь ни при чем, – сказал Кикудзи, пытаясь заставить себя забыть,

---

⁶ *Орибэ* – один из видов керамики.

⁷ Вторая половина XVI века.

какие судьбы сплетались вокруг этой чашки.

Чашка от господина Оота перешла к его вдове, от нее – к отцу Кикудзи, а от отца – к Тикако. Из этих четверых людей двое – мужчины – уже умерли, а двое – женщины – присутствуют сейчас на чайной церемонии. Разве этого недостаточно, чтобы назвать судьбу чашки необычной?

– Мне бы тоже хотелось выпить из этой чашки. Я ведь из другой пила, – вдруг сказала госпожа Оота.

Кикудзи снова поразился. Что за странная женщина – то ли глупая, то ли совсем уж бесстыжая.

На ее дочь, не осмеливавшуюся поднять глаз, было жалко смотреть.

Инамура приготовила чай для госпожи Оота. На девушку были обращены все взгляды. Но она оставалась совершенно спокойной, не подозревая, какие страсти бушевали вокруг черного орибэ.

Девушка исполняла обряд по всем правилам, как ее учили. Она делала все просто и естественно, безо всякой манерности. Казалось, чайная церемония доставляет ей истинное удовольствие. Да и во всей ее фигуре, в каждой ее позе была благородная простота.

На сёдзи за спиной девушки падала тень от молодой листы, и ее яркое нарядное кимоно мягко светилось отраженным светом. От волос тоже исходил этот свет.

Пожалуй, для чайной церемонии в комнате было слишком светло, но свет только подчеркивал красоту девушки. Ее фу-

куса⁸, алая, как пламя, не казалась претенциозной, а, напротив, усиливала впечатление юной весенней свежести. Словно у нее в руках цвел красный цветок.

Казалось, еще секунда – и вокруг девушки закружатся тысячи крохотных белоснежных журавлей.

– Зеленый чай в темной чашке – как это прекрасно! – сказала госпожа Оота. – Невольно приходит сравнение с молодыми весенними побегами...

Хорошо еще, что она не сказала, кому принадлежала чашка, пощадила память мужа.

Потом начался осмотр чайной утвари. Девушки не очень-то в ней разбирались, но для приличия восхищались и внимательно слушали объяснения Тикако.

И мидзусаси и тясяку⁹ раньше принадлежали отцу Кикудзи. Но Тикако об этом не упомянула. Кикудзи, разумеется, тоже промолчал.

После осмотра посуды девушки одна за другой начали расходиться. Кикудзи рассеянно смотрел на них, когда к нему подошла госпожа Оота.

– Простите, пожалуйста, мою нескромность! Но на меня, как только я вас увидела, сразу нахлынули дорогие воспоминания...

---

⁸ *Фукуса* – салфетка для чайной церемонии, обычно бывает белая.

⁹ *Мидзусаси* – нечто вроде кувшина для воды, из которого подливают воду в котелок, стоящий на очаге; *тясяку* – ковшик, чаще всего бамбуковый, которым черпают кипяток из котелка.

– Да...

– Как вы возмужали! Просто удивительно... – Казалось, из ее глаз вот-вот брызнут слезы. – Да-а... ведь и ваша ма-тушка... Я очень хотела прийти на похороны, да не осмели-лась.

Кикудзи сделал недовольное лицо, но она продолжала:

– Как грустно... И мама ваша за отцом последовала... Вам, наверное, очень одиноко...

– Да...

– Вы еще не собираетесь уходить?

– Чуть попозже...

– Мне бы хотелось как-нибудь поговорить с вами. Чтобы вы меня выслушали...

– Кикудзи-сан! – позвала из соседней комнаты Тикако. Госпожа Оота поднялась с видимым сожалением. Дочь ждала ее в саду. Обе раскланялись с Кикудзи и ушли. Глаза девушки словно жаловались на что-то.

В соседней комнате Тикако вместе со своими постоянными ученицами и служанкой наводила порядок.

– Что вам говорила госпожа Оота?

– Да так... ничего особенного...

– Вы ее остерегайтесь. Она все время играет. Делает невинное лицо, изображает кротость, а что у нее на уме – неизвестно.

– Но у вас-то она, кажется, постоянный гость. Интересно, с каких это пор? – не удержался Кикудзи.

Выйдя из павильона, Кикудзи вздохнул полной грудью, словно надышался ядовитых испарений. Тикако пошла вместе с ним.

– Ну как, понравилась вам дочь Инамуры? Правда, прелестная девушка?

– Да, очень мила. Но, наверное, она бы мне понравилась гораздо больше, если бы я встретился с ней где-нибудь в другом месте, где не витает тень покойного отца и не было бы ни вас, ни госпожи Оота.

– И охота вам нервничать из-за таких пустяков! Уж к этой-то девушке госпожа Оота не имеет абсолютно никакого отношения.

– Может быть... Но именно перед этой девушкой мне и было неловко.

– Почему? Если присутствие госпожи Оота вас расстроило, извините, конечно, но я ведь сегодня ее не приглашала. Так что между ней и дочерью Инамуры нет никакой связи.

– Позвольте мне сейчас откланяться, – сказал Кикудзи. Он понял, что, если они пойдут вместе, ему не отвязаться от Тикако.

Оставшись один, Кикудзи огляделся. На горном склоне росла дикая азалия, покрытая нежной завязью бутонов. Он глубоко вздохнул.

И зачем он пошел на эту чайную церемонию?.. Соблазнился письмом Тикако! Нехорошо. Но девушка с тысячекрылым журавлем и впрямь очень мила. От нее остается впе-

чатление яркости и свежести.

Может быть, именно из-за нее встреча с двумя бывшими любовницами отца не оставила горького осадка. Но когда он подумал, что эти женщины живут и продолжают тревожить память отца, а мать умерла, в нем закипело возмущение.

И снова перед глазами всплыло безобразное родимое пятно на груди Тикако.

Кикудзи снял шляпу и медленно шел навстречу бегущему по молодой листве вечернему ветру.

И вдруг вдали, у храмовых ворот, он увидел госпожу Оота. Он огляделся – куда бы скрыться?.. Пожалуй, если взобраться по крутому склону, все равно какому, справа или слева от дороги, можно выбраться из храмовых владений, минуя ворота.

Но он пошел прямо, не сворачивая с дороги. Щеки у него вдруг стали холодными и твердыми.

Завидев Кикудзи, госпожа Оота двинулась ему навстречу, ее лицо пылало.

– Я ждала вас. Мне захотелось еще раз вас увидеть, ведь неизвестно, когда мы теперь встретимся... Наверное, это дерзость с моей стороны, но... не могла я так просто взять и уйти.

– А где же ваша дочь?

– Фумико ушла с подругой... Вернется домой без меня.

– И ваша дочь знает, что ее мама... что вы ждете меня? – спросил Кикудзи.

– Да, – ответила госпожа Оота, посмотрев ему прямо в глаза.

– Наверное, это ей неприятно. Мне кажется, наша случайная встреча на чайной церемонии произвела на вашу дочь тяжелое впечатление. Мне даже жалко ее стало...

Кикудзи нарочно подбирал слова, чтобы его высказывание могло показаться и уклончивым, и в то же время грубым.

Но госпожа Оота ответила очень откровенно:

– Вы правы. Ей было тяжело встретиться с вами.

– Еще бы! Ваша дочь достаточно намучилась из-за моего отца.

Он хотел добавить: «Так же, как и из-за вас», но сдержался.

– Совсем нет! – живо возразила госпожа Оота. – Ваш отец всегда был очень ласков с Фумико... Мне бы хотелось когда-нибудь, в спокойной обстановке, рассказать вам обо всем... Правда, девочка поначалу, как он ни старался, никак не могла к нему привыкнуть, но потом, уже к концу войны, когда воздушные бомбардировки страшно усилились, она вдруг резко изменилась. Не знаю уж, что с ней сделалось, но она вдруг стала очень заботиться о вашем отце... Нет, она не ласкалась к нему, а именно заботилась. Бывало, отправится в какую-нибудь дальнюю деревню за рыбой или за курицей. Одна. А ведь совсем еще девочка была. И бомбили все время. Так она и ездила – под бомбежками. Очень я за нее волновалась, представляете, что ей приходилось терпеть

в дороге? Но она все равно ездила, очень уж ей хотелось угодить вашему отцу... В такую даль забиралась. Думаю, не раз подвергалась смертельной опасности. Но она так хотела... А ваш отец, он... он страшно удивлялся, почему вдруг Фумико стала так нежно к нему относиться... Да и меня поражала эта перемена. Я порой едва сдерживала слезы, глядя на нее, до того она была трогательной... А еще... горько мне очень было... Она ведь меня постоянно корила...

Только сейчас Кикудзи понял, откуда в те тяжелые годы в их доме порой появлялись удивительные лакомства. Отец, принося эти редкостные продукты, что-то говорил о каких-то подарках. А оказывается, все это доставала дочь Оота, ее доброта поддерживала их семью.

– Я до сих пор не совсем понимаю, почему она тогда так переменялась, – продолжала госпожа Оота. – Скорее всего почувствовала, какое это было страшное время – ведь смерть буквально каждый день ходила по улицам... Жалела она меня, наверное, очень жалела, вот и делала для вашего отца все, что было в ее силах.

Да, девочка, должно быть, много пережила, если тогда, к концу войны, вдруг почувствовала, чем живет ее мать. А мать изо всех сил цеплялась за свою любовь к отцу Кикудзи. И девочка сумела отойти от прошлого – забыть своего покойного отца – и проникнуться настоящим – жизнью матери, страшной, как и вся окружающая ее жизнь того времени.

– Вы заметили кольцо на руке Фумико?

– Нет.

– Это подарок вашего отца. Ваш отец во время воздушной тревоги всегда уходил домой. И Фумико всегда шла его провожать. Никакие уговоры не помогали, она твердила, мало ли что может случиться по дороге. О себе не думала, с ней ведь тоже все что угодно могло случиться. И вот однажды пошла его провожать и не вернулась. Я очень тревожилась, хорошо, думаю, если ее оставят ночевать у вас, а если нет... Одна, ночью, под бомбежкой... пришла только утром. Я спросила, где она была, она сказала – к вам не пошла, только проводила вашего отца до самого порога, а ночь провела в каком-то бомбоубежище. Ваш отец, когда в следующий раз навестил нас, очень ее благодарил, говорил: «Большое тебе спасибо, Фуми-тян!» – и преподнес ей кольцо... Наверное, сейчас, на чайной церемонии, она прятала руку, стыдно ей было перед вами из-за этого кольца...

Кикудзи слушал госпожу Оота, и в его душе нарастала неприязнь. Странная женщина! Неужели она надеется своими рассказами вызвать в нем сочувствие к себе?!

Впрочем, ненависти или враждебности он к ней не испытывал, в ней была какая-то теплота, усыпляющая его настороженность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.